

Горизонты души

«Не закрывайте память на засов...»

Не закрывайте память на засов,
Свою судьбу с эпохой соразмерьте.
Предав забвенью дедов и отцов,
Вы у себя отнимете бессмертье.

9 января – день памяти Нины Георгиевны Кондратковской

Тысяча девятьсот девяносто первый год... Как же много времени прошло с тех пор! Сменились власть и политический строй, выросло целое поколение. Изменился город, который так любила Нина Георгиевна. А её стихи, что писались в маленькой кухоньке, публиковались на страницах городских газет, федеральных журналов и складывались в сборники, теперь изучают дети в школе.

Время притупляет боль потери, но не стирает в памяти то, что связано с этим ярким, талантливым и добрым человеком. Прохожу мимо дома, где она жила, и глаза невольно выхватывают из множества окон именно то – на четвёртом этаже. Как-то баба Нина сказала полшутя, полусерьёзно: «Это окно волшебное: в нём можно увидеть то, что важно сейчас. Здесь и людские характеры, и взаимоотношения – двор практически на ладони. Но если подняться над этой суетой, такой простор для мысли... Эта горизонталь поверх крыш, небо – такое разное. Это важно, чтобы окно в мир не мешало увидеть главное, не мешало думать и мечтать».

Главное, важное, нужное Нина Кондратковская вкладывала в строки своих стихов. Оттачивала каждую фразу. Помню ворох бумаг на её столе: это либо наброски четверостиший, часто – с рисунками на полях, либо «буквомешалка» – составлять слова из одного большого было любимым её занятием. Она говорила, что это вовсе не пустое времяпровождение: слово – рабочий инструмент, который нужно всегда иметь в достатке и в нужный момент доставать из «запасников». Да, многие стихи рождались с лёту, сразу начисто. Но это не мешало Нине Георгиевне позже возвращаться к ним и что-то менять. Ремарки встречаются даже в «свежеиспечённых» сборниках.

Но разве были бы так ценны стихи, если обладали бы только внешней красотой? Говорить же о внутреннем содержании – дело неблагодарное. Всё, что нужно, просто читать их – понимание придёт само. Помню, ещё в школе училась, попросила бабу Нину помочь с литературным анализом какого-то произведения. Она только вздохнула и произнесла: «Если бы Пушкин знал, как его стихи разбирают в школе, в гробу бы перевернулся. Ничего, кроме ума и

сердца, не нужно – поймёшь, что сказал, а что не стал говорить».

Мне всегда казалось, что Нина Георгиевна – человек спокойный, жизнерадостный, даже в какой-то мере непроницаемый. Сейчас понимаю – заблуждалась. Такие люди живут на износ, принимая и несправедливость бытия, и людскую боль, и предательство особенно остро. Поэтому, как правило, живут мало – по биологическим меркам. Но после своего ухода остаются жить навсегда.

Читаю стихи Кондратковской: философские, детские, смешные, грустные, открываю её каждый раз заново. Человека, близкого мне не только по родству, но и по ощущению окружающего мира, нравственным ценностям, неутомимой любви к жизни. И хотя дата скорбная, вспомним жизнерадостность Нины Георгиевны. Человека, написавшего стихи даже на собственную смерть: правдиво, точно и с юмором. В этом она вся, гармонично сочетающая в себе черты потомственного интеллигента и филолога с тонким литературным вкусом, способного на изысканное хулиганство. Такой её помним и любим.

Ольга Балабанова

Поэзия

Нина Кондратковская

Я так люблю вас, верные друзья.
Вечерний разговор за чашкой чая.
Я так скучаю, вас не привечая.
Вам без меня и мне без вас – нельзя.
Нам любя снова судьбы пережить
И бранный мир, где всё старо и ново,
Без суеты сложить и разложить
И мудро, и немощно бестолково.
Нет на дверях цепочки и глазка,
Входите просто, без звонка и стука,
И боль уймётся, и заглохнет скука,
Иссякнет пустоглазая тоска.
Но если вдруг поэзия ко мне
На огонёк в окошко постучится.
Друзья мои, не очень мурьете лица –
Мне надо с ней побыть наедине.

К многолюдью не спешу
Так бездумно и упорно:
Только для пустой души
Одиночество зазорно.
Тихий вечер не глуши
Болтовней смешной и вздорной –
Только для глухой души
Одиночество безмолвно.
Пыль в глаза не пороши,
В суете досуги прячься, –
Только для слепой души
Одиночество незряче.

Мы так долго привыкли
Скучно жить и мало спать
И мечту о светлой дали
Тёмным пеплом засыпать,

Трамбовать плотнее, туже
Небо, землю, даль и высь.
Загазованные души,
Замурованную мысль.

А теперь киркой да ломом
В паутине суеты
Как расколем? Как проломим
Долголетние пласты?

Знает Бог.

А мы – не знаем,
Век радея об одном,
Чтобы стал необитаем
Человек в себе самом...

Нам кажется, что мы умней, чем дети.
Нам в объективе лет, ошибок, дел
Привиделось, что знаем всё на свете
И поучать – высокий наш удел.
А дети, если пристально взглянуть,
Иных высот постигли дух и стать,
И надо нам душой вернуться к детству,
Чтобы от них в дороге не отстать.

«Одолевать и время, и пространство...»

Песенка мудреца

Не лишённый боюсь, а довольства,
Не от слёз – от восторга бегу...
Пожелай же, судьба, –

до погоста

Мне – бессонницу, спячку – врагу.
Без тревоги на сердце короста,
Без сомненья – теньета в мозгу...
Постели же, судьба, –

до погоста

Мне – дорожку, перину – врагу.
Пусть накопится в теле упорство,
Чтобы – к правде
сквозь все «не могу»...
Подари же, судьба, –

до погоста

Мне – хомут, ожерелье – врагу.
Дети встанут со мною в упряжке,
Внуки – рядышком, в поте лица,
А холёные отпрыски вражьих
Ожерельем удавят отца!

Финал

Простите, родные! Я вас не обижу,
Я только финал свой реально предвижу.
Когда башмаки я откину – быть может,
Сперва вас печальная весть огорошит.

Но через минуту-другую освоюсь,
Вы станете встречным рассказывать новость,
Звонить по цепочке – ведь хочется первым
Кому-то сенсацией щелкнуть по нервам.

А что волноваться! Живите спокойно,
А бабушку, что ж, похороним достойно.
Тут званий и прозвищ – как птиц налетело:
«Успоший», «мертвец».
Даже «прах», даже «тело»,
И даже «останки» (совсем уже плохо,
Как мусор, отходы, как сдача от Бога).

Зовут меня словом – то тихим, то грубым,
Покройницей – дома, в квитанциях – трупом.
Одни лишь заслуги мои отмечают,
А люди искусства «жмуром» величают.

Кому-то забота, кому-то морока,
Но яма и ящик – всё сделано к сроку,
Хоть дорого всё и на кладбище тесно,
Ещё ни один не остался без места.

Родня прилетела (не так уж и много),
И собрана я аккуратно в дорогу.
Слова по обряду, цветы по сезону,
Бумаги оформлены в мёртвую зону.

Поминки заказаны (так беззаботней)

В какой-то столовой персон на полсотни.
Расходы растут, но продуманы чинно:
Старухам – платки, полотенца – мужчинам.

В назначенный час с небольшим опозданием
Разделаться надо с последним заданием.
На вынос к подъезду сбежались зевая,
Толкучка, на лестнице «охи» и «ахи».

Зачем-то фотограф снимает активно
Тот кадр, на который и глянуть противно.
На кочках качаясь и кашляя глухо,
Оградку везёт бортовая старуха.

А мне меж роднёю ни шатко, ни валко,
В глубоком и грязном нутре катафалка.
На старых могилах, меж тесных оградок,
Начнётся сперва суета, беспорядок,

Меня понесут, оступаясь, по дёрну,
Я буду трясти головою покорно –
И к двум табуреткам, поставленным криво,
Друзья подойдут попрощаться брезгливо.

Укроют меня в дефицит с головою,
По гвоздикам стукнут – и трубы завойют.

От музыки скривят товарищи лица,
Кочками в яму кидая землицу.
Про лабухов скажут: «Ни складу, ни ладу,
Играют халтуру, а требуют плату»...

... Поели, попили, о чём-то болтая –
Все люди как люди, и я – не святая,
Забудут, как только осушат посуду...
Как славно, что я это видеть не буду!

Неделя-другая – ни много, ни мало –
И всё. И как будто меня не бывало.

Друзья дорогие, меня не стыдите,
И эти стихи на поминках прочтите.

Татьяне

Творя добро, не взвешивай его,
Не измеряй объёмы и масштабы:
Оно в твоих руках не для того,
Чтобы ладони превращались в лапы.
Не золото оно, не серебро,
Чтоб за него расплачивался кто-то.
А при расчёте – где уж тут добро!
Всё в мире зло от этого расчёта.

Не приведи, господь, к позору
На чьей-то холке ехать в гору,
Брать, ничего взамен не дать
И жизнь чужую заедать!

Самодовольный друга не поймёт,
Чужим не соболезнает, тем боле,
Не поступаясь даже лишней долей,
Других обделит, а себе возьмёт.
И не заметит, как угаснет. Вещь.
Клочком души, умишком злым и скудным,
И в полусне, глухом и непробудном,
Ещё нет-нет и шевельнётся спесь.
Но смертных в коммуналках и в хоромах
Судьба ни разу впрям не сберегла,
И от холёных и самовосхваленных
Останется лишь кучка барахла.
Что мне до них! Но в толчее событий
Чудовищно ловить себя на том:
Вот – не помог, не поддержал, обидел.
А что с душою станется потом?

Одолевать и время, и пространство
Не сможешь ты без солнца и любви.
И в летнюю погоду, и в ненастье
Зови любовь. Всегда её зови.
Она дыханьем усмирит метели,
Полдневный жар сквозь выюги пронесёт,
Чтоб крылья у тебя не леденели
На гранях неизведанных высот.
А если ты спросонья иль с обиды
Мечту предать готов, сойдя с орбиты,
Любовь разбудит, наведёт на след.
Но только сам ты солнца ей не засти –
Любовь без солнца, что судьба без счастья.
Любовь! Она так любит ясный свет!

Не жаль того, что мной утеряно,
Недополучено, не куплено,
А жаль того, что недоделано,
Недооткрыто, недолюблено.
Меня обида бьёт по темени
Не за какой-то там обвес.
Так много понято, затеяно,
Да только времени в обрез.

Спокойно и тихо ступлю за межу,
Где стыннут огни, цепенеют буруны.
С глубоким поклоном спасибо скажу
За счастье опробовать трубы и струны.

А время проверит на быстром лету
Усталые строки, забытые песни,
И все мои радости, всю маюту
Крылом равнодушно ответит в безвестье.

И всё-таки, всё-таки тайная грусть
Метнётся несбыточно-дерзостной смутой:
А может, я снова когда-то вернусь
Хоть строчкой единственной,
Нужной кому-то?..